

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Политическая и культурная жизнь XX века сильно определялась марксистскими идеями. В одних обществах они безусловно принимались, в других с ними боролись, развивая конкурентные марксистским программы, в третьих – создавались гибридные идеологии, синтезирующие марксизм с другими концепциями. И сегодня марксизм все еще оказывает влияние на понимание общения, культуры и языка в разных культурах.

Марксизм – диалектический материализм, и как таковой он видит мир как взаимосвязанную развивающуюся систему, в которой все определяется материальным бытием. Потому и культура, а также вообще все общение в обществе определяется экономической жизнью. Специфика связи производительных сил и производственных отношений отражается в искусстве, религии, философии и науке, в политической и повседневной (семейной, гражданской, профессиональной) жизни.

В истории человечества марксизм выделяет несколько стадий развития экономической жизни («общественно-экономических формаций»). Начальная точка – первобытно-общинный строй, где силы и отношения производства крайне неразвиты, а устойчивых разделений общества не было. Его сменил рабовладельческий строй, где выделились классы рабов («говорящих инструментов») и эксплуатирующих их рабовладельцев. Вслед за ним сформировался феодализм, в котором класс феодалов (владельцев земельных наделов) эксплуатировал класс зависимых крестьян. Из него возник капитализм, при котором класс наемных рабочих эксплуатируется капиталистами (владельцами средств производства). На смену капитализму должен прийти коммунизм – бесклассовое общество с общественной собственностью на средства производства. Коммунизм должен стать по-настоящему гуманистическим общечеловеческим единством, настоящей целью истории всего человечества.

У каждой стадии – свои особенности взаимоотношений людей, своя культура, причем в формациях, где есть классы, можно даже говорить о разных классовых культурах, например, при капитализме – о культуре капиталистов и культуре рабочих (пролетарской культуре). Искусство производит образы, изображающие идеализированные отношения вышестоящих и нижестоящих, религия производит идеализированные нормы этих отношений, наука представляет собой систему знаний, обеспечивающую воспроизводство этих отношений и т. п. По типу преобладающих производственных отношений строятся и семья, и коллективы друзей, и группы по интересам.

Построение коммунизма в марксизме предполагает общественно-экономическую революцию (устранение разделения на общественные классы на основе обобществления средств производства) и связанную с ней культурную революцию (построение новых форм отношений на основе культуры рабочих как наиболее прогрессивного класса). Марксисты считают, что в коммунистической культуре не будет места религии, поскольку она – институт одурманивания масс («религия – опиум народа»). Коммунистическое искусство – жизнеутверждающий реализм, пропагандирующий коллективизм, сознательность и научно-техническое развитие. Коммунистическая наука – общечеловеческая система знаний, позволяющая преобразовывать природу в интересах трудящихся. Коммунистическая философия – идейный фундамент всего революционного преобразования общества.

Коммунистическая политика – самоорганизация народа посредством совместного обсуждения проблем (в организациях типа «советов»), причем победа всемирной революции и «перековка» всех индивидуалистов приведут к отмиранию института государства (в марксизме государство – аппарат насилия, прежде всего полиция и армия, и он окажется не нужен, когда все враги будут побеждены, а все человечество будет эффективно регулировать свое развитие). Тем самым и право сменится моралью (в этом смысл деклараций, что решения судов должны выражать сознательность судей, то есть их осознанное следование интересам трудящихся, а не абстрактные установления законов).

Поскольку марксизм придает общению главенствующее место, то в нем приветствуется и диалог, понимаемый как атом общения. На основе диалогов складывается общественность, открытое коммуникативное общество, предзнаменующее наступление коммунизма. Однако существуют и диалоги, в которых утверждаются частные интересы, а участники этих диалогов замыкаются от общества или даже прямо противостоят общественным интересам. Марксисты считают, что такие диалоги социально опасны и они вместе с их участниками должны искореняться или «перековываться».

Отношение к языку в марксизме крайне интересно. Фактически сложились две большие ветви, образующие сложные сочетания в конкретных политических программах. В первой ветви язык предстает элементом культуры, как и прочие производный от экономической жизни общества. Как и вся культура язык меняется от формации к формации, и при наступлении коммунизма предполагается формирование единого общечеловеческого

языка, отражающего специфику нового общественного и экономического устройства. Вторая ветвь понимает язык не как элемент культуры, а как фундамент самой производственной деятельности, не зависящий даже от смены формаций и потому не прогнозируется его сильное изменение при переходе к коммунизму (все народы будут продолжать говорить на своих языках). Специфические формы речи отдельных групп рассматриваются как диалекты и «жаргоны» (например, «буржуазный жаргон» или «поповские словечки»), которые считаются в большей мере пережитками (поскольку выражают мировоззрение разделенного эксплуатацией общества).

На складывание такой альтернативы повлияли реальные языковые политики в коммунистических государствах. Первоначальное революционное прожектерство – планирование тотального и мгновенного изменения всего в экономике, политике, социальной сфере, культуре и языке – быстро сменяется политическим прагматизмом, требующим осторожности и поступательности преобразований. Важнейшее основание этого – ограниченность ресурсов, и прежде всего – ресурсов управления, поскольку именно по сообществу управляющих революция «бьет» сильнее всего. Другое значимое основание для ухода от проекта переучивания общества на другой язык – декларируемая народность коммунистических правительств. Переучивать граждан бывших Российской и Китайской империй на новаторский язык, который только образуется – проект ресурсоемкий и чреватый увеличением недовольства народных масс деятельностью коммунистов. Эти ограниченность ресурсов и народность вылились даже в отказ от умеренно-реформистских проектов переобучения партийного актива на эсперанто, на немецкий как язык Маркса и Энгельса и современной тогда науки или на упрощенный английский, которые рассматривались как потенциальные языки мировой революции (тут стоит упомянуть идею, что по мере освобождения от капиталистов развитые западные страны должны «перехватывать» руководящую роль в мировой революции у менее развитых, хоть при этом и принесших революционные преобразования, – то есть власть в расширяющемся СССР по мере включения в него Германии и Англии должна была перейти к ним, очевидным образом преобразовав язык межнационального общения в СССР). Коммунистическая языковая политика в результате провозгласила языком объединения трудящихся предшествующий имперский язык (русский в СССР, мандаринский в КНР), декларируя его «народность».

В СССР символом победы языковой реальной политики над прожектерством стала книга Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сталин осудил «новое учение о языке» Николая Марра, пытавшегося, с одной стороны, свести все языковое разнообразие к ограниченному числу первобытных «трудовых выкриков» («Сал», «Бер», «Йон» и «Рош», например, обнаруживая «Рош» в «красный» или «этруски»), а с другой – на этой основе создать контуры будущего общечеловеческого языка. По идее Сталина язык вообще не относится к культуре, а потому ставить вопрос об отбрасывании старого языка и порождении нового наивно (он уподобляет сторонников такого подхода так называемым революционным троглодитам,

то есть тем, кто утверждал, что революция должна подразумевать уничтожение всех материальных проявлений предшествующих формаций – например, переплавку всех произведенных до революции рельсов). Язык по мысли Сталина даже более фундаментален, чем орудия производства – они меняются в ходе истории, тогда как язык по своей сути – нет. Также как Троцкий Сталин фактически переносит усматриваемую транзитивность с языка на культуру в целом – Пушкин и Лермонтов жертвы царизма, провозвестники нового общества и по сути своей народные художники (народное достояние), а потому их отбрасывать также не следует.

Несмотря на то, что сталинский подход сильно повлиял на многие последующие рефлексии марксистов о языке и культуре, радикально левая ветвь также не ушла полностью в прошлое.